Труды Киевской Духовной Академии

Изъ системы философско-богословскаго міровоззрѣнія А. С. Хомякова.

Церковь и свобода богословскаго изслѣдованія. Значеніе въ Церкви Свящ. Писанія. Такъ назыв. „развитіе Церкви". Церковное ученіе и частное мнѣніе вѣрующаго. Значеніе соборныхъ опредѣленій.

Высшее назначеніе Церкви состоитъ не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личное бытіе при помощи Божественной благодати: оно состоитъ еще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ, чрезъ всѣ поколѣнія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ. Мало того. Нравственное совершенствованіе человѣческихъ душъ и храненіе откровенной истины—объ эти задачи Церкви настолько тѣсно связаны между собою, что на дѣлѣ раздѣленіе ихъ даже невозможно. Понять это не трудно. Въ актѣ грѣхопаденія не только извратилась воля человѣка, но и затемнилось его сознаніе. Чтобы дать возможность подняться падшему человѣку, для этого необходимо было не только укрѣпить его волю въ добрѣ, но и указать ему тотъ путь, по которому онъ долженъ двигаться, т. е. просвѣтить его разумъ свѣтомъ откровенной истины. Правда, человѣчество путемъ преданія могло бы хранить истину, открытую первымъ людямъ. Но опытъ показалъ, что падшій человѣкъ, предоставленный своей свободѣ, не въ состояніи былъ сохранить

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

это первоначальное откровеніе, въ которомъ, къ тому же, многое дано было прикровенно. Преданіе исчезло или потускнѣло во всѣхъ человѣческихъ племенахъ, у всѣхъ народовъ. Тогда Богъ призвалъ одного мужа—Авраама. Онъ и его родъ, одни во всемъ родѣ человѣческомъ, познали Бога, и познали Его не какъ идею, не какъ философскую тему, но какъ фактъ живой, несомнѣнный, преданный. Три истины вѣры ввѣрены были Израилю на храненіе для остального міра: единство Божіе, паденіе человѣка, будущее пришествіе Мессіи. Всѣ эти истины нѣкогда принадлежали и другимъ народамъ, какъ это видно изъ сохранившихся у нихъ слѣдовъ древняго преданія, но исчезли позднѣе въ разливѣ всякаго рода идолослуженій. Израиль ихъ сохранилъ, но сохранилъ не въ величіи свободы (къ ней человѣкъ не способенъ безъ Христа), а въ рабствѣ закона. Тяжелы были историческія условія, при которыхъ племя Авраама должно было хранить ввѣренныя ему истины: оно повержено было въ оковы, въ бѣдствія пустыни, въ опасности войны, на конечное истребленіе, во всѣ обольщенія идолопоклонства самаго фанатичнаго, самаго сладострастнаго, самаго соблазнительнаго во вселенной, въ развратъ власти и богатства, въ искушенія собственныхъ страстей, пылкихъ и разнузданныхъ, постоянно увлекавшихъ его и прежде на тотъ путь, которымъ пошли другіе народы; у него не доставало силъ сохранить залогъ ему ввѣренный, и однако оно сохранило его, благодаря закону, строгому нѣступу и оберегателю. До времени, назначеннаго Божественною мудростью, это племя уберегло для насъ этотъ залогъ неприкосновеннымъ, дабы мы, наслѣдовавъ Израилю, могли сказать съ апостоломъ: „отцы наши были въ облакѣ, прошли море; всѣ они крещены Моисеемъ въ облакѣ и морѣ“. Ибо для того Израиль, въ продолженіи вѣковъ, пребывалъ въ рабствѣ закона, чтобы мы могли пребыть навсегда въ свободѣ и благодати. Когда же часъ, назначенный Божественною мудростью, насталъ, Богъ, открывшій Себя въ возлюбленномъ Сынѣ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Своемъ, въ вочеловѣчившемся Словѣ Божіемъ, освободилъ человѣка отъ рабства закона, даровалъ ему свободу, и, удаляя отъ вселенной Свое видимое присутствіе, поручилъ храненіе вѣры и преданія Своего ученія не отдѣльнымъ лицамъ, Своимъ ученикамъ, а *Церкви* учениковъ, свободно объединенной святою силою взаимной любви, и эта земная Церковь въ своей совокупности, а не лица, временно ее составлявшія, была въ день Пятидесятницы прославлена видимыми дарами Духа Божія. Отъ этой Церкви, отъ нея единственно, и получаетъ всякое исповѣданіе вѣры, всякое преданное ученіе, свою *обязательность*, или точнѣе: свидѣтельство своей истины.

Итакъ, полнота разумѣнія Богооткровенной истины такъ же, какъ и полнота любви, благодати, святости, принадлежитъ только Церкви, и именно: единству всѣхъ ея членовъ. Каждый человѣкъ, отдѣльно взятый, есть слѣпецъ; неизбѣжный удѣлъ каждаго лица въ отдѣльности – невѣдѣніе, заблужденіе. Но какъ же достигается это единство Церкви, какъ хранительницы и выразительницы полноты разумѣнія Богооткровенной истины и почему это единство получаетъ такую силу, какой лишена каждая личность въ отдѣльности? Для болѣе яснаго и отчетливаго представленія этой истины, поясникъ ее предварительно слѣдующимъ примѣромъ. Представимъ себѣ процессъ поднятія тяжести на канатѣ при помощи блока. Къ концу каната, переброшенному черезъ кольцо блока, прикрѣплено множество веревокъ, противоположные концы которыхъ находятся въ рукахъ рабочихъ. Каждый рабочій представляетъ собою силу, которая, взятая отдѣльно, во-первыхъ, ничтожна, во-вторыхъ, дѣйствуетъ въ направленіи, далеко не тождественномъ съ тѣмъ, по которому долженъ двигаться канатъ съ тяжестью. Но всѣ эти силы, взятыя вмѣстѣ, сходясь въ узлѣ прикрѣпленія веревокъ, составляютъ одну общую мощную силу, дѣйствующую

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

въ одномъ желаемомъ направленіи и вполнѣ достаточную для того, чтобы преодолѣть данную тяжесть. Нѣчто подобное находимъ и въ Церкви. Каждый отдѣльный разумъ есть какъ бы составная часть общаго разума Церкви, въ которой онъ находитъ самого себя, но себя не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ своего духовнаго, укрѣпляющаго единенія со своими братьями, со своимъ Спасителемъ. Онъ находитъ въ ней себя въ своемъ совершенствѣ, или точнѣе: находитъ въ ней то, что есть совершеннаго въ немъ самомъ. Божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся въ грубой нечистотѣ каждаго отдѣльно-личнаго существованія. Это очищеніе совершается неизбѣжною силою взаимной любви христіанъ въ Іисусѣ Христѣ. Подобно тому, слѣдовательно, какъ нравственное единство Церкви достигается путемъ единенія въ любви отдѣльныхъ человѣческихъ совѣстей, такъ умственное единство Церкви достигается путемъ такого же единенія въ любви отдѣльныхъ человѣческихъ разумѣній. Путемъ такого полнаго тѣснаго внутренняго единенія человѣческихъ душъ создается та высокая, чистая, святая духовная атмосфера, которая и служитъ, такъ сказать, вмѣстилищемъ Божественной благодати и посредствомъ которой духъ человѣческій входитъ въ непосредственное общеніе съ Духомъ Божіимъ; то, что, вопреки мнѣнію мистиковъ, недоступно для человѣка въ его одиночествѣ, то становится доступнымъ для него какъ члена Церкви. Вотъ почему духъ Церкви есть въ сущности Духъ Божій, а поэтому никакія силы ада не въ состояніи одолѣть ея. Этотъ то живущій въ Церкви Духъ Божій и является хранителемъ дарованныхъ ей откровенныхъ истинъ, въ чемъ и заключается непреложное ручательство того, что истины эти будутъ сохранены вѣчно въ своей неизмѣнной чистотѣ.

Но если мудрость, постигающая полноту откровенной истины, принадлежитъ только Церкви, то что же въ такомъ случаѣ остается за личностью и не становится ли она ра-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

бою Церкви, видимо подчиняющей ея свободу своему авторитету? Въ области умственной жизни, точно такъ же, какъ и въ области жизни нравственной, единство Церкви не насилуетъ свободы ея членовъ. Тутъ прежде всего нужно помнить, что свобода дарована христіанину Самимъ Іисусомъ Христомъ, Который освободилъ насъ отъ рабства закона и завоевалъ намъ свободу свободою Своего за насъ жертвоприношенія, и мы были бы недостойны разумѣнія истины, если бы пріобрѣтали ее не свободно, не подвигомъ и напряженіемъ всѣхъ нашихъ нравственныхъ силъ; но въ то же время мы не способны были бы уразумѣть ее, если бы не держались въ единствѣ силою нравственнаго закона. Свобода въ единствѣ—вотъ то необходимое условіе, при которомъ возможно, съ одной стороны—вѣчное пребываніе въ Церкви полноты истины, съ другой стороны—разумное усвоеніе ея личностью. Достигается же это условіе путемъ гармоническаго соединенія отдѣльныхъ личныхъ мнѣній въ одно общее мнѣніе, при чемъ и Церковь и частная личность удерживаютъ свою свободу. Но въ этомъ подвигѣ свободы должно различать двѣ формы одной и той же силы. Въ Церкви, въ ея цѣлости, является полнота свободы въ Іисусѣ Христѣ; является свобода, сознающая себя всегда непогрѣшимою, въ настоящемъ, какъ и въ прошедшемъ, и увѣренная всегда въ себѣ самой и въ дарахъ Духа Божія. Словомъ Церковь, въ ея цѣлости, вполнѣ свободна потому, что непогрѣшима, непогрѣшима же она потому, что глава ея есть Самъ Іисусъ Христосъ, а разумѣніе ея есть разумѣніе пребывающаго въ ней Духа Божія. Но объ отдѣльномъ лицѣ нельзя сказать, чтобы оно было безусловно свободно. Въ отдѣльномъ лицѣ является смиреніе свободы христіанина, который, будучи силенъ убѣжденіемъ, что для Церкви заблужденіе невозможно, приноситъ свою дань въ общее дѣло, почитаетъ себя всегда ниже своихъ братьевъ, покоряетъ имъ свое собственное мнѣніе и проситъ у Бога только сподобить его послужить органомъ вѣры

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

всѣхъ. Такова та свобода, которой благословеніе Божіе не покидаетъ никогда. Такая свобода всегда памятуетъ, что согласіе всѣхъ есть истина въ лонѣ Церкви, а Церковь есть тѣло нашего Господа, по закону любви, который есть правило Церкви.

Признавая, что мысль всей Церкви образуется гармоническимъ сліяніемъ мыслей личныхъ, необходимо помнить, что мысль эта не умѣщается въ одной познавательной способности; она почіетъ въ полнотѣ разумнаго и нравственнаго бытія. Человѣкъ размышляетъ и ищетъ выразить свое размышленіе въ словѣ; Церковь судитъ о словѣ; она одобряетъ его, когда оно истинно, осуждаетъ, когда ошибочно и могло бы навести вѣрныхъ на ложные пути, или когда, по внушенію гордости, оно выдаетъ себя за полное выраженіе истины, которыя оно можетъ только намѣтить. Такимъ то образомъ, каждый человѣкъ, будучи самъ по себѣ слѣпцомъ по своему личному несовершенству, стоитъ всегда предъ лицомъ Церкви, которая прозорлива и каѳолична, потому что свята дарованіемъ Св. Духа и благодатію взаимной любви въ Іисусѣ Христѣ. Слѣдовательно, свобода личнаго разума не порабощена; но дѣло разума подлежитъ рѣшающему пересмотру Церкви, а рѣшеніе Церкви истекаетъ не изъ логической аргументаціи, а изъ внутренняго смысла, исходящаго отъ Бога, смысла, даруемаго (какъ свидѣтельствуетъ исторія) безразлично невѣждамъ и ученымъ, пастухамъ и пастырямъ душъ. Но и личная мысль, пытающаяся постигнуть религіозную истину, не есть простая рефлексія анализирующаго и раціонализирующаго духа; въ ней всецѣло проявляется нравственное существо. Она принимаетъ ученіе не только словомъ, но всею полнотою церковной жизни. Она не итогъ умозаключеній, а совокупность разумныхъ стремленій. Ей служитъ выраженіемъ не только силлогизмъ выговоренный или силлогизмъ въ мысли, но и созерцаніе, и сердце сокрушенное, и смиреніе искреннее, и ко-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

лѣна, преклоненныя въ молитвѣ, и несомнѣнная надежда, что Богъ не откажетъ въ истинѣ Своей Церкви, спасенной Имъ кровію Сына Своего, она есть взаимная любовь во Іисусѣ Христѣ, Едипомъ Почателѣ силы и мудрости и слова жизни. А взаимная любовь есть то око, которымъ каждый христіанинъ зритъ божественные предметы и это око (въ Церкви) никогда не смыкалось съ самаго того дня, когда огненные языки низошли на головы апостоловъ; оно и не сомкнется никогда дотолѣ, пока Верховный Судія сойдетъ и потребуетъ отчета у человѣчества въ истинѣ, которую Онъ далъ ему, запечатлѣвъ ее Своею кровію. Доля духовнаго ясновидѣнія, даруемая въ мѣру каждому христіанину, силою любви находитъ свою полноту въ органическомъ единеніи всѣхъ. Вообще, любовь есть Божественный даръ, которымъ обезпечивается за людьми познаніе безусловной истины.

Итакъ, живущая въ Церкви частная личность познаетъ Богооткровенныя истины не одною какою-нибудь силою духа, а всею полнотою силъ духа, или что то же—вѣрою. Вѣра, понимаемая въ точномъ смыслѣ слова, не должна быть смѣшиваема ни съ слѣпымъ довѣріемъ внѣшнему авторитету, ни съ сухимъ разсудочнымъ знаніемъ. Характеристическую особенность довѣрія и разсудочнаго знанія составляетъ то, что это суть акты пассивнаго воспріятія истины. Вѣра же необходимо предполагаетъ активное участіе всѣхъ силъ духа: въ актѣ вѣры участвуетъ не только разсудочная мысль, но и чувство и воля. Вѣра, поэтому, не есть дѣйствіе одного постиженія, но дѣйствіе всего разума, т. е. постиженія и изволенія въ ихъ внутреннемъ единствѣ; она есть не просто знаніе. Христіанская вѣра, въ частности, есть такое дѣйствіе, которымъ человѣкъ, осуждая собственную несовершенную и злостную личность, ищетъ соединиться съ существомъ нравственнымъ по преимуществу, съ Іисусомъ Праведнымъ, съ Богочеловѣкомъ. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, вѣра есть начало по преимуществу нравственное и, какъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

таковая, она всегда стремится проявиться; потому что нравственное начало, которое бы не заключало въ себѣ стремленія къ обнаруженію, обличило бы тѣмъ самымъ свое безсиліе, точнѣе—свое ничтожество, свое небытіе. Вотъ почему самая жизнь христіанина есть не что иное, какъ лишь обнаруженіе его вѣры: и молитвенный вздохъ, едва зародившійся въ глубинѣ сокрушеннаго сердца, и мученичество, сопровождающееся пожертвованіемъ самой жизни за Христа—все это плоды одной и той же вѣры.

Изъ предыдущаго ясно, что свобода личности въ дѣлѣ познанія истины основывается, во-первыхъ, на томъ что личность безусловно вѣритъ въ истинность Церкви и находя въ этой истинности непогрѣшимый критерій для провѣрки своихъ собственныхъ мнѣній, всегда чувствуетъ себя гарантированною отъ закоренѣлыхъ безповоротныхъ заблужденій. Вторая причина свободы личности въ Церкви заключается въ томъ, что, составляя неотъемлемую принадлежность церковнаго организма, личность становится участницею его внутренней жизни вообще и пребывающей въ немъ истины, въ частности; а поэтому истинность Церкви не есть нѣчто внѣшнее для личности, чему бы она подчинялась противъ своей воли, какъ внѣшнему принудительному авторитету. Отсюда становится понятнымъ неточность часто употребляемаго выраженія: „Церковь есть авторитетъ“. Нѣтъ: Церковь не авторитетъ, какъ не авторитетъ Богъ, не авторитетъ Христосъ; ибо авторитетъ есть нѣчто для насъ внѣшнее чему мы подчиняемся по необходимости, какъ внѣшнему часто чуждому намъ, предписанію. Внѣшній авторитетъ убиваетъ свободу вѣры или, лучше сказать, самую вѣру ибо вѣра есть свободное движеніе человѣческаго духа, такое же свободное, какъ самая мысль. Христосъ не сказалъ *повинуйтесь* Мнѣ, но *вѣруйте* въ Меня; Онъ не сказалъ подчинитесь словамъ Моимъ, но „познайте истину и истина свободитъ вы“. Да, Церковь не авторитетъ, а истина и въ то

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

же время жизнь христіанина, внутренняя жизнь его; ибо Богъ, Христосъ, Церковь живутъ въ немъ жизнію болѣе дѣйствительною, чѣмъ сердце, бьющееся въ груди его, или кровь, текущая въ его жилахъ: но живутъ въ немъ настолько, насколько онъ самъ живетъ вселенскою жизнію любви и единства, т. е. жизнію Церкви. Церковь, слѣдовательно, не можетъ быть авторитетомъ для своихъ членовъ потому, что она не отдѣлима отъ нихъ: отдѣлить Церковь отъ ея членовъ это то же, что отдѣлить ее отъ самой себя. Такъ, разумная свобода вѣрнаго не знаетъ надъ собою внѣшняго авторитета; но оправданіе этой свободы въ единомысліи ея съ Церковію; а мѣра оправданія опредѣляется согласіемъ всѣхъ вѣрныхъ.

Конечно, Церковь можетъ быть для человѣка внѣшнимъ авторитетомъ, но лишь въ томъ случаѣ, если онъ, не будучи живымъ ея членомъ и живя отдѣльною отъ нея жизнію, въ поискахъ за истиною, захочетъ подвергнуть истинность ея испытанію: подчинившись первоначально ея постановленіямъ, какъ обязательному, но пока еще внѣшнему, авторитету, онъ, мало-по-малу, можетъ проникнуться самымъ духомъ этихъ постановленій и затѣмъ войти въ непосредственное общеніе съ Церковью, которая приходящихъ къ ней не отметаетъ. Даже люди, номинально принадлежащіе къ Церкви, но оскудѣвшіе вѣрою вслѣдствіе слабости ли или извращенія воли, часто сохраняютъ въ сознаніи отчетливое представленіе о томъ, что истина хранится только въ Церкви, т. е. въ ея писаніи, въ ея преданіи, въ ея соборныхъ постановленіяхъ и т. д. Не воплощая церковной истины въ жизни и не испытывая на себѣ ея обаянія, человѣкъ, чуждый этой истинѣ сердцемъ, можетъ тѣмъ не менѣе признавать обязательность ея для себя сухою логикою разсудка. Воспринимая истину не полнотою силъ духа, а лишь разсудочною мыслію, человѣкъ не живетъ ею; Церковь же—воплощеніе истины, въ такомъ случаѣ перестаетъ быть для него жизнію и истиною,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

становится такимъ же внѣшнимъ авторитетомъ, какимъ является для гражданина всякая законодательная власть, издающая обязательныя для него юридическія постановленія, имѣющія цѣлью обуздать произволъ его свободы. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Церковь можетъ быть названа авторитетомъ и дѣйствительно называется въ православной богословской литературѣ.

Раньше достаточно было уяснено, что въ разумномъ познаніи вѣрою участвуютъ всѣ силы духа, т. е. не только воля и чувство, но и разсудокъ—способность анализирующая, изслѣдующая. Познаніе вѣрою, слѣдовательно, не только не исключаетъ, но и необходимо предполагаетъ свободное изслѣдованіе познаваемаго. Мало того: свободное изслѣдованіе, правильно понятое, составляетъ единственное основаніе истинной (т. е. разумной, осмысленной, а не слѣпой) вѣры. Всякая разумная осмысленная вѣра есть актъ свободы и непремѣнно исходитъ изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія, которому человѣкъ подвергаетъ явленія внѣшняго міра или внутреннія явленія своей души, событія минувшихъ временъ или свидѣтельства своихъ современниковъ. Можно сказать больше того: даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда гласъ самого Бога непосредственно взыскивалъ и воздвигалъ душу падшую или загубленную, душа повергалась ницъ и поклонялась, опознавъ предварительно Божественный голосъ; и здѣсь, слѣдовательно, начало обращенія въ актѣ свободнаго изслѣдованія. Само собою разумѣется, что логическое изслѣдованіе, какъ извѣстный умственный процессъ, всегда имѣя одну и ту же природу, можетъ имѣть различныя степени проявленія. Между изслѣдованіемъ младенчествующаго ума, едва способнаго опознать истину, и изслѣдованіемъ развитой научной мысли, способной къ сложнымъ и глубокимъ логическимъ процессамъ, существуетъ большое различіе. Но, выражаясь, что всякая разумная, осмысленная вѣра непремѣнно исходитъ изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія, мы

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академіи

имѣемъ въ виду природу изслѣдованія, а не степени его проявленія. Итакъ, въ дѣлѣ познанія религіозныхъ истинъ трудъ аналитическій неизбѣженъ; мало того, онъ благъ, онъ святъ, ибо свидѣтельствуетъ, что вѣра христіанъ не пустой отголосокъ древнихъ формулъ, не механическое лишь повтореніе ихъ, а живое, осмысленное отношеніе къ ихъ содержанію.

Признавая въ дѣлѣ познанія откровенныхъ истинъ свободу изслѣдованія, необходимо точно установить отношеніе изслѣдующей мысли къ вѣрѣ. Въ вѣрѣ истина познается непосредственно, въ ея живой дѣйствительности; разсудочной же дѣятельности мысли сама дѣйствительность недоступна, а доступны лишь ея законы. Занимаясь переработкой воспринятыхъ въ вѣрѣ данныхъ, изслѣдующая мысль опредѣляетъ законы воспринятаго, выражая ихъ въ точно формулированной, наукообразной формѣ. Научный анализъ мысли, слѣдовательно, не даетъ намъ новыхъ данныхъ сравнительно съ тѣми, которыя восприняты нами въ вѣрѣ, а путемъ расчлененія и соединенія воспринятыхъ элементовъ способствуетъ болѣе ясному, болѣе отчетливому уразумѣнію ихъ. Вообще свобода человѣческаго разума состоитъ не въ томъ, чтобы по своему *творить* вселенную, а въ томъ, чтобы *уразумѣвать* ее свободнымъ употребленіемъ своихъ способностей, независимо отъ какого бы то ни было внѣшняго авторитета. Что сказано о процессѣ изслѣдованія вообще, то имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ изслѣдованію религіозныхъ истинъ, съ тою однако же разницею, что, во-первыхъ, данныя, воспринятыя въ религіозной вѣрѣ, далеко не тождественны съ тѣми, которыя мы воспринимаемъ при наблюденіи надъ внѣшнимъ міромъ явленій; во-вторыхъ, и самое отношеніе наше къ даннымъ того и другого рода не одинаково, что не безразлично для процесса изслѣдованія. Религіозная вѣра всегда есть слѣдствіе *откровенія* опознаннаго, т. е. принятаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, про-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

явленнаго въ фактѣ видимомъ. Она, далѣе, не есть актъ одной познавательной способности, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится и чувствуется вмѣстѣ; словомъ она не одно познаніе, но познаніе и жизнь. Очевидно, поэтому, что и процессъ изслѣдованія, въ примѣненіи его къ вопросамъ вѣры, отъ нея же заимствуетъ существенное ея свойство и всецѣло отличается отъ изслѣдованія въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Во-первыхъ, въ области вѣры міръ, поддежащій изслѣдованію, не есть міръ для человѣка внѣшній; ибо самъ человѣкъ и весь человѣкъ всею цѣлостью разума и воли принадлежитъ къ этому міру, какъ существенная часть его. Во-вторыхъ, изслѣдованіе въ области вѣры предполагаетъ нѣкоторыя основныя *данныя*, нравственныя или раціональныя, стоящія для души выше всякаго сомнѣнія. Такъ что изслѣдованіе, въ сущности, есть не что иное, какъ раскрытіе этихъ данныхъ; ибо сомнѣніе полное, не знающее границъ, если бы оно могло существовать въ дѣйствительности, исключило бы не только всякую возможность вѣры, но и всякую мысль о серьезномъ изслѣдованіи. Малѣйшая изъ этихъ данныхъ, будучи разъ допущена душою *совершенно* чистою, дала бы ей всѣ другія данныя, въ силу неотразимаго, хотя, можетъ быть, и несознаннаго ею вывода. Для православной Церкви совокупность этихъ данныхъ объемлетъ всю вселенную, со всѣми явленіями человѣческой жизни, и все слово Божіе какъ писанное, такъ и выраженное *догматическимъ вселенскимъ* преданіемъ. Всякое покушеніе отнять у христіанина хотя бы одну изъ этихъ данныхъ становится неизбѣжно нелѣпостью или богохульствомъ.

Итакъ, задача изслѣдованія въ Церкви, какъ и задача всякаго другого изслѣдованія, заключается не въ творчествѣ новыхъ данныхъ вѣры, а въ раскрытіи и уразумѣніи тѣхъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

уже готовыхъ данныхъ, которыя имѣются въ Церкви и которыя открыты и дарованы ей Духомъ Божіимъ. Духъ Божій, живущій въ Церкви, правящій ею и умудряющій ее, является въ ней многообразно: въ *писаніи, преданіи и дѣлѣ;* ибо Церковь, творящая дѣла Божіи, есть та же Церковь, которая хранитъ преданія и писала писаніе. Въ сущности, дѣло Церкви есть то же преданіе, которое отличается отъ преданія въ точномъ смыслѣ лишь тѣмъ, что оно передается не посредствомъ слова, а самою жизнію. Истиннымъ хранителемъ священнаго писанія и священнаго преданія въ Церкви являются не лица и не множество лицъ, а Духъ Божій, живущій въ совокупности церковной. Онъ есть истинный источникъ и хранитель въ Церкви и писанія и преданія. Поэтому ни въ писаніи искать основы преданію, ни въ преданіи—доказательствъ писанію, ни въ дѣлѣ—оправданія для писанія и преданія—нельзя и не должно. Преданіе, ведущее свое начало изъ ложнаго источника, можетъ послужить основаніемъ для ложнаго писанія, а то и другое вмѣстѣ могутъ создать ложную жизнь, или наоборотъ: ложная жизнь можетъ породить ложное писаніе и ложное преданіе. Вотъ почему внутреннее согласіе писанія, преданія и жизни, взятое само по себѣ, еще не можетъ быть ручательствомъ ихъ истинности, хотя противорѣчіе между ними непремѣнно доказывало бы, что не всѣ они истинны. Между истиннымъ писаніемъ, преданіемъ и дѣломъ нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія; между ними существуетъ полное согласіе, какъ между различными формами проявленія одной и той же истины. Человѣкъ понимаетъ писаніе настолько, насколько хранитъ преданіе и насколько творитъ дѣла, угодныя мудрости, въ немъ живущей. Но мудрость, живущая въ немъ, дана не ему лично, а ему, какъ члену Церкви, и притомъ дана отчасти, не уничтожая совершенно его личную ложь. Вотъ почему дѣйствительнымъ ручательствомъ истинности писанія, преданія и дѣла можетъ служить только голосъ Церкви. Вѣ-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Церкви живущему непостижимо ни писаніе, ни преданіе, ни дѣло. Внутри же ея пребывающему и пріобщенному къ ея духу единство и истинность ихъ явны по живущей въ ней благодати. Отсюда вытекаетъ слѣдующее мудрое правило, обязательное для всякаго члена Церкви: „не суди Церкви, но повинуйся ей, чтобы не отнялась отъ тебя мудрость“.

Послѣ сказаннаго ясно, что всякій, ищущій доказательствъ церковной истины внѣ Церкви, тѣмъ самымъ или показываетъ свое сомнѣніе и исключаетъ себя изъ Церкви, или даетъ себѣ только видъ сомнѣвающагося и въ то же время сохраняетъ надежду доказать истину и дойти до нея собственною силою разума; но силы разума не доходятъ до истины Божіей, и безсиліе человѣческое дѣлается явнымъ въ безсиліи доказательствъ. Человѣкъ, полагающійся на свои собственныя доказательства и принимающій одно писаніе съ тѣмъ, чтобы на немъ одномъ основать Церковь, въ дѣйствительности отвергаетъ Церковь и надѣется создать ее снова собственными силами; принимающій только преданіе и дѣло и унижающій важность писанія точно также отвергаетъ Церковь и становится судьею Духа Божія, говорившаго писаніемъ. Кто въ дѣлѣ уразумѣнія истинъ вѣры придаетъ слишкомъ большое значеніе логическимъ доказательствамъ, тотъ забываетъ, что христіанское знаніе не есть дѣло разума испытующаго, но вѣры благодатной и живой, основныя данныя которой не могутъ быть доказываемы, но могутъ быть только уясняемы въ смыслѣ приближенія разума къ пониманію ихъ, иначе самый фактъ сверхъестественнаго откровенія ихъ не имѣлъ бы смысла. Писаніе, преданіе и дѣло, взятыя сами по себѣ, представляютъ не что иное, какъ внѣшнее проявленіе Церкви; внутреннюю же сущность ея, такъ сказать, душу ея, составляетъ Духъ Божій, живущій въ единствѣ ея членовъ. Вотъ почему человѣкъ, вышедшій изъ Церкви и отрѣшившійся отъ ея вѣры, отъ преданія одного, отъ писанія и отъ дѣла, можетъ почерпнуть знаніе

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

только внѣшнее и не полное, которое можетъ содержать въ себѣ истину, ибо отправляется отъ истины, но въ то же время и необходимо ложно, потому что не полно. Вѣрующій знаетъ истину, невѣрующій же не знаетъ ея или знаетъ ее знаніемъ внѣшнимъ и не совершеннымъ. Таково знаніе всѣхъ общинъ, отпавшихъ отъ Церкви и лишившихся ея благодатныхъ даровъ.

Въ виду сказаннаго легко понять, какъ безсильны нападки раціонализма, пытающагося путемъ научной критики подорвать вѣру Церкви въ богодухновенность Св. Писанія. Какъ бы ни были безпощадны эти нападки, какъ бы ни были значительны результаты, достигнутые научной критикой, все же въ своемъ окончательномъ выводѣ они не могутъ идти далѣе отрицательнаго отношенія къ нѣкоторымъ внѣшнимъ сторонамъ библейскаго текста. Что же касается самаго духа Библіи, то онъ недоступенъ научной критикѣ. Духъ Библіи есть духъ самой Церкви и она одна компетентна въ сужденіи о немъ, и если Церковь признаетъ его своимъ, то кто же можетъ утверждать противное? Извѣстно, сколько всевозможныхъ нападокъ сдѣлано было, хотя бы напримѣръ, на тексть ветхо-завѣтнаго писанія. И что же достигнуто этими нападками? Пусть будетъ признано, что тотъ или другой стихъ есть позднѣйшая вставка, пусть въ Пятокнижіи обнаруживаются халдеизмы, повидимому, указывающіе на переѣлку или редакцію временъ позднѣйшихъ, не Моисеевыхъ, пусть открывается, что тотъ или другой фактъ искаженъ преданіемъ, что иной облекся въ форму мноа; пусть семитическій характеръ набрасываетъ по временамъ таинственный свѣтъ на вещи обыкновенныя — всѣ этого рода критики, эти разборы, весь этотъ переборъ словъ (самъ по себѣ полезный и поучительный) въ силахъ ли упразднить фактъ живой и органическій? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что народъ іудейскій, одинъ во вселенной, сохранилъ ученіе о единствѣ Божіемъ и о судьбахъ міра? Упразднятъ ли они

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

тотъ фактъ, что это ученіе, въ каждой чертѣ своей, носитъ характеръ преданія? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что воители, мудрецы и прозорливцы Израиля, силою дѣйствія и слова, сохранили это ученіе въ самомъ средоточіи идолопоклонства самаго необузданнаго, среди бѣдствій самыхъ страшныхъ, среди всяческихъ искушеній, наконецъ, среди такихъ обстоятельствъ, при которыхъ сохраненіе священнаго залога становилось невозможнымъ? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что всѣ эти мудрецы и прозорливцы носятъ на себѣ характеръ простыхъ орудій преданія и что нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписать которому-либо изъ нихъ характеръ нововводителя и философа-идеолога? Упразднятъ ли они, наконецъ, тотъ до глубины сердца и до мозга костей ощущаемый нами фактъ, что только благодаря хранительной силѣ закона, мы, вѣтвь дикой маслины, могли быть привиты къ доброй маслинѣ Божіей и пріобщены къ ея корню и къ ея питательному соку, т. е. къ познанію Іеговы, нашего Создателя? Такимъ образомъ, даже для частнаго наблюдателя очевидно, что нападки отрицательной критики на нѣкоторыя внѣшнія стороны библейскаго текста нисколько не подрываютъ вѣры въ истинность его внутренняго содержанія. И это понятно. Библія для Церкви не есть фетишъ и Церковь не боготворитъ ее такъ, какъ фетишистъ боготворитъ своего кумира. Библія для Церкви есть внѣшнее выраженіе ея внутренняго содержанія, есть то же, что слово для произнесшаго его; а въ каждомъ словѣ для человѣка дорога не вещественная его сторона, т. е. не произносимый звукъ, не изображаемое начертаніе, а его внутренній смыслъ. Если бы было иначе, то и евангелисты, сообщая намъ рѣчи Спасителя, передавали бы ихъ не на греческомъ языкѣ, т. е. не въ переводѣ, но на томъ языкѣ, на которомъ произносилъ ихъ Самъ Спаситель. Дорожа, такимъ образомъ, въ Писаніи его смысломъ, а не буквою, Церковь однако же не можетъ допустить измѣненія ни одной буквы, если это измѣненіе мо-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

жетъ повлечь за собою искаженіе самаго смысла. Не будучи ученымъ учрежденіемъ, Церковь не ведетъ борьбы съ тѣми, которые силятся исказить истинный смыслъ ея Писанія. Предоставляя эту борьбу частнымъ лицамъ, сама Церковь лишь *свидѣтельствуетъ* свою истину, и свидѣтельство ея непреложно для всякаго ея члена. Церковь, признавая содержаніе Св. Писанія выраженіемъ той истины, которая живетъ въ ней, какъ въ своемъ первоисточникѣ, совершенно спокойно относится къ усиліямъ враждебныхъ ей началъ поколебать эту истину. Злонамѣренная критика можетъ исказить истину, выраженную въ Писаніи, но она безсильна исказить ту истину, которая живетъ въ живомъ организмѣ Церкви.

Невѣріе въ наши дни нападаетъ не только на точность евангельскихъ повѣствованій, но и на отношеніе евангелій и посланій къ тѣмъ лицамъ, которымъ приписывается ихъ изложеніе. Оно утверждаетъ, напримѣръ, что евангелія, приписываемыя Св. Марку, Лукѣ и Іоанну, будто бы не отъ нихъ; равно какъ и посланія, приписываемыя Св. Іакову, Іудѣ или Павлу, будто бы тоже не отъ нихъ. Пусть! Но они отъ Церкви и вотъ все, что нужно для Церкви. И въ самомъ дѣлѣ: имя ли Марка сообщаетъ авторитетъ евангелію, которое ему приписывается, или имя ли Павла даетъ авторитетъ посланію? Нисколько. Но Св Маркъ и Св. Павелъ прославлены за то, что найдены были достойными приложить имена свои къ писаніямъ, которыя Духъ Божій, выразившійся единодушнымъ голосомъ Церкви, призналъ за свои. Пусть бы сегодня удалось доказать, что посланіе къ римлянамъ принадлежитъ не Св. Павлу; Церковь сказала бы: „оно отъ меня“, и на другой же день это посланіе читалось бы, попрежнему, громогласно во всѣхъ Церквахъ, и христіане, попрежнему, внимали бы ему въ радостномъ молчаніи вѣры; ибо они знаютъ, что свидѣтельство Церкви для нихъ неотвержимо. Или допустимъ, что отыскалось бы (если это возможно) какое-нибудь новое для насъ, найподлиннѣйшее и

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

несомнѣннѣйшее писаніе величайшаго изъ апостоловъ: оно не получило бы силы неотвержимаго свидѣтельства дотолѣ, покуда не сказала бы Церковь: „это писаніе не только отъ Петра, или отъ Павла, или отъ Іоанна, оно отъ меня". Ясно, что только *канонъ*, одинъ канонъ, установляетъ Библію, какъ Св. Писаніе, и никакая утонченная логика не сумѣетъ отдѣлить канонъ отъ Церкви. А между тѣмъ канонъ идетъ не отъ временъ апостольскихъ, которымъ, вслѣдствіе ихъ чрезвычайнаго значенія въ жизни Церкви, могло бы быть придано особенное преимущество; онъ идетъ даже не отъ временъ непосредственно слѣдующихъ за временами апостольскими; онъ опирается единственно на довѣріи къ Церкви, уже значительно удаленной по времени отъ своего начала, къ Церкви, обуреваемой внѣшними невзгодами, раздираемой отпаденіями и внутренними смутами, возмущенной и, повидимому, запятнанной слабостями, страстями и пороками христіанъ, но въ то же время твердой и непоколебимой въ своемъ основаніи, краеугольнымъ камнемъ котораго служитъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ.

Сколько остроумія, сколько мнимой и дѣйствительной учености потрачено было на то, чтобы какъ написаніе священныхъ книгъ, такъ и признаніе ихъ каноническими, отодвинуть какъ можно дальше отъ временъ *апостольскихъ*, а все это дѣлалось не безъ намѣренія ниспровергнуть вѣру христіанъ въ истинность и боговдохновенность Священнаго Писанія. Но люди, допускавшіе и допускающіе все это, очевидно, не понимаютъ, что въ данномъ случаѣ важно не то, когда священныя книги были написаны и канонизованы, а то, что Церковь нашла въ нихъ тѣ самыя истины, которыя живутъ въ ней и которыя мыслятся ею какъ ея собственное достояніе. Въ этомъ смыслѣ можно даже сказать, что Библія не есть книга *написанная*, ибо то, что написано, есть только видимая оболочка Библіи; Библія есть книга *мыслимая*, книга какъ разумѣваемое начало. Книга эта есть, такъ ска-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

сать, мысль церковной общины, ея внутренняя вѣра. А всякая мысль, всякое разумѣніе предшествуетъ написанію и переживаетъ его, такъ что, въ крайнемъ случаѣ, разумѣніе могло бы, такъ сказать, воспроизвести Писаніе (хотя, можетъ быть, въ другой формѣ), если бы вещественная форма его могла когда-нибудь затеряться. Только разъ сошелъ Святой Духъ на апостоловъ, а чрезъ нихъ на всѣхъ вѣрныхъ всѣхъ вѣковъ, и не для того Духъ Божій исходилъ на общину, чтобы потомъ удалиться, но для того, чтобы пребывать въ ней навсегда. Если же Духъ Божій вѣчно пребываетъ въ Церкви и если Писаніе есть *Писаніе всей Церкви*, а не одного какого-нибудь лица (Павла или Луки), выразившаго въ немъ только свои личныя мысли и чувства, то ясно, что оно никогда не можетъ, такъ сказать, устарѣть и требовать обновленія, измѣненія. Писаніе никогда не можетъ сдѣлаться книгою вчерашняго дня, не пригодною для сегодняшняго дня; оно есть и будетъ всегда книгою сегодняшнею, потому что Христосъ всегда одинъ и тотъ же вчера и нынѣ и во вѣки, и потому что Церковь не иное что, какъ единство Бога съ разумною тварью, такъ же, какъ Церковь земная не иное что, какъ единство вѣрныхъ, созидаемое взаимною любовью въ человѣкѣ Іисусѣ, нашемъ Спасителѣ и Богѣ.

Библія, какъ видно изъ сказаннаго, есть выраженіе въ вещественной формѣ (посредствомъ условныхъ знаковъ на бумагѣ) истины, открытой Церкви пребывающимъ въ ней Духомъ Божіимъ. Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ: пребывающая въ ней истина во всей ли полнотѣ и совершенствѣ выражена въ Священномъ Писаніи? Конечно нѣтъ. По словамъ евангелиста Іоанна, если бы написать подробно только то, что сотворилъ Іисусъ во время своего пребыванія на землѣ, то и тогда „*самому міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ*“ (XXI, 25). Ученіе Церкви не выразимо въ своемъ безконечномъ величіи; оно передано ей какъ *начало*, которое можетъ раскрывать ее посред-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ствомъ слова до безконечности. Вотъ почему хотя Священнымъ Писаніемъ мы называемъ собраніе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ, но въ дѣйствительности *нѣтъ предѣловъ писанію*, ибо всякое писаніе, которое Церковь признаетъ своимъ, есть Священное Писаніе. Таковы, по преимуществу, исповѣданія соборовъ и особенно Никео-Константинопольское исповѣданіе. Посему, было до нашего времени Священное Писаніе и, если угодно Богу, будетъ еще Священное Писаніе. Но не было и не будетъ никогда въ Церкви никакого противорѣчія, ни въ писаніи, ни въ преданіи, ни въ дѣлѣ: ибо во всѣхъ трехъ единый и неизмѣнный Христосъ. Будучи раскрытіемъ одного и того же начала, всѣ писанія Церкви должны быть проникнуты этимъ началомъ и, слѣдовательно, должны находиться между собою въ полной и безусловной гармоніи. Отсюда понятнымъ становится рѣшающее значеніе тѣхъ писаній, которыя оставили намъ богодухновенные мужи и которыя занесены Церковью въ каноиъ Священныхъ книгъ. Всякое новое писаніе, если бы оно оказалось въ противорѣчіи съ писаніями каноническими, должно быть отвергнуто, какъ безусловно ложное; равно какъ и всякое мнѣніе, которое оказалось бы не согласнымъ съ этими писаніями, должно быть признано мнѣніемъ не согласнымъ съ ученіемъ Церкви, ложнымъ, еретическимъ.

Придавая такое высокое, рѣшающее значеніе Священному Писанію, вѣрующій однако же долженъ помнить, что пониманіе Св. Писанія не для всякаго доступно. Много было толкованій Св. Писанія, но не многія изъ этихъ толкованій Св. Писанія приняты Церковью. Пониманіе Св. Писанія доступно только для того, кто живетъ въ Церкви и кто проникся ея духомъ. Заключите человѣка въ его личной отдѣльности, разорвите связь, соединяющую всѣхъ христіанъ въ одну живую индивидуальность, и вы за одно порвете связь, соединяющую христіанъ съ Св.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Писаніемъ; вы превратите книгу въ мертвую букву, въ предметъ совершенно внѣшній для людей, въ разсказъ, въ доктрину, въ слово, неподкрѣпленное никакимъ свидѣтельствомъ, въ простое начертаніе или въ простой звукъ, въ нѣчто, не находящее увѣрительной силы ни въ себѣ, ни внѣ себя, въ нѣчто такое, наконецъ, что непремѣнно должно быть убито сомнѣніемъ и поглощено забвеніемъ. Кто отрицаетъ Церковь, тотъ изрекаетъ смертный приговоръ надъ Библіей.

Вообще, объ отношеніи Церкви къ Св. Писанію, равно и къ другимъ формамъ проявленія откровенной истины, можно сказать слѣдующее: Св. Писаніе есть откровеніе Божіе, свободно понятое разумомъ Церкви; опредѣленія соборовъ, смыслъ обрядовъ, словомъ все догматическое преданіе есть выраженіе того же преданія, понятаго одинаково свободно, только подъ другими формами. Выражая откровенныя истины въ опредѣленныхъ, болѣе или менѣе законченныхъ, формахъ, Церковь этимъ не стѣсняетъ своей свободы и не лишаетъ себя возможности прибѣгать къ другимъ формамъ, потому что эти послѣднія непремѣнно будутъ въ полномъ согласіи съ первыми. Непослѣдовательность и противорѣчія знаменовали бы не свободу, а заблужденіе; ибо, что истинно сегодня, было истинно и въ прошедшіе вѣка. Мысль современной Церкви (а мысль Церкви значитъ не иное что, какъ просвѣщенный благодатію разумъ ея членовъ, связанныхъ между собою нравственнымъ закономъ взаимной любви) есть та самая мысль, которая начертала писанія, та самая, которая впослѣдствіи признала эти писанія и объявила ихъ священными, та самая, которая еще позднѣе формулировала ихъ смыслъ на соборахъ и символизировала его въ обрядѣ. Мысль Церкви въ настоящую минуту и мысль ея въ минувшихъ вѣкахъ есть непрерывное откровеніе, есть вдохновеніе Духа Божія.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Но если мысль Церкви въ теченіе вѣковъ оставалась неизмѣнною, то что же значитъ та многовѣковая работа, которая, начавшись еще со временъ апостольскихъ, продолжается и въ наши дни и которую часто не точно называютъ *развитіемъ*. Чтобы уразумѣть сущность этого историческаго процесса, необходимо помнить слѣдующее: всѣ тайны вѣры были открыты Церкви Христовой отъ самаго ея основанія. Все внутреннее познаніе Божественнаго (въ той мѣрѣ, въ какой оно доступно земному человѣчеству) было дано ей отъ начала; и всѣ эти тайны, все это познаніе, были выражены первыми Христовыми учениками. Но Церковь унаслѣдовала отъ блаженныхъ апостоловъ не слова, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли, невыразимой въ словахъ, хотя постоянно стремящейся выразиться; невыразимой потому, что человѣческое слово не выражаетъ, а только намѣчаетъ истину. На языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ словъ, которыми Богъ и предметы божественные могли быть въ самомъ ихъ существѣ опредѣлены или описаны. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, парѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей въ вѣкахъ человѣческихъ. Понятія Богъ, Божественное, сами по себѣ невыразимы; слово человѣческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно можетъ только возбудить въ разумѣ (т. е въ мірѣ человѣческомъ) мысль или порядокъ мыслей, соотвѣтствующихъ реальности міра Божественнаго. И это понятно. Мы знаемъ, что даже въ области человѣческихъ предметовъ, слова, которыми выражаются не отвлеченности, а понятія, взятыя изъ живой реальности вещественной или духовной, бываютъ понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами: понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ какъ-бы долю жизни самаго постигающаго субъекта. Оттого слѣпому не-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ностную пониманіе словъ: „свѣтъ“ и „цвѣтъ“; оттого человѣкъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ, ее выражающихъ; оттого душа, огрубѣвшая въ чувственности, или погрязшая въ эгоизмѣ, слышитъ доносящіяся до нея слова любви, благоговѣнія и почтенія, но не проникаетъ въ ихъ смыслъ. Не тѣмъ ли болѣе основаніемъ должны мы признать, что слова, которыми выражаются понятія о мірѣ Божественномъ, могутъ быть понятны только для того, чья собственно жизнь находится въ согласіи съ реальностью этого міра? Если самыя эти понятія недоступны, какъ выше было разъяснено, человѣческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божіимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества: то естественно, что и слова, служащія имъ выраженіемъ, представляются въ своемъ реальномъ смыслѣ только тѣмъ, чья жизнь составляетъ какъ-бы живую принадлежность организма Церкви. При указанной недостаточности человѣческаго слова для выраженія Божественныхъ предметовъ, оно по необходимости должно видоизмѣняться. И дѣйствительно, слово Церкви видоизмѣняется въ свидѣтельство безконечности той идеи, которая въ немъ находитъ свое выраженіе. Безъ этого измѣненія слово было бы не болѣе какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ вѣка въ вѣкъ, но ничего не выражающимъ, кромѣ развѣ безплодности и вялости умственнаго труда, или даже его полнаго отсутствія. Умственная работа, выражающаяся въ измѣненіи отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ формулъ и имѣющая цѣлью приблизить человѣческую мысль къ болѣе ясному и точному пониманію богооткровенныхъ истинъ, должна быть названа не развитіемъ, а *раскрытіемъ* этихъ истинъ. Развитіе предполагаетъ ростъ, требующій привнесенія новыхъ элементовъ; раскрытіе же есть только обнаруженіе первоначальныхъ данныхъ. О человѣческой мысли, стремя-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

щейся къ уразумѣнію божественныхъ предметовъ, можно выразиться, что она развивается, обогащаясь понятіями; о самыхъ же божественныхъ предметахъ можно сказать только, что они *раскрываются* для человѣческой мысли.

Раскрытіе откровенныхъ истинъ, сопровождающееся измѣненіемъ терминологіи, начинается еще со временъ апостольскихъ. Такъ, если бы таинственное и приснопоклоняемое имя „Сынъ Божій", встрѣчающееся на первыхъ страницахъ евангельской исторіи, обнимало во всей полнотѣ христіанскую идею о Томъ, Кто воплотился ради нашего спасенія, то къ чему бы придавать ему еще другое, Божественное имя „Вѣчнаго Слова"? Или, если это послѣднее имя было необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началѣ евангельской проповѣди? Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сѣтуешь, не находя въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкѣ Іоаннова Евангелія. „Образъ Отца", „сіяніе славы Его" (Евр. 1, 3) и другія подобныя выраженія, правда, открываютъ намъ ту же мысль, какая заключена въ имени „Слово", но указываютъ ее не такъ ясно. Итакъ, скажемъ ли мы, что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ *развитіи* Церкви? Отнюдь нѣтъ, ибо полнота Церковной мысли чувствуется и въ выраженіяхъ святаго Павла. Появленіе же новаго термина объясняется появленіемъ новаго слушателя, который оказался подготовленнымъ къ пониманію его. Іудей, Римлянинъ, Грекъ мастеровой, ничего бы не поняли, если бы св. Павелъ заговорилъ о Словѣ. Это выраженіе не пробудило бы въ ихъ представленіи никакой идеи: оно бы для нихъ не имѣло смысла. Но къ Церкви Христовой примкнулъ новый личный элементъ, новая историческая жизнь — воспитанники греческой философіи и появленіе этого новаго термина сдѣлалось возможнымъ. Выраженіе, сравнительно съ прежними, болѣе сжатое и болѣе ясное, но которое до той

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

поры было бы непонятно, стало теперь возможно; св. Іоаннъ возглашаетъ его и ликующая Церковь повторяетъ его въ день торжественнѣйшаго изъ своихъ праздниковъ. Но значитъ ли это, что Церковь обрѣла, наконецъ, терминъ для выраженія своей мысли? Конечно нѣтъ. Слово, этотъ улетучивающійся звукъ, или этотъ нѣмой знакъ, начерганный или оттиснутый, это нѣчто измѣняющееся и условное, это нѣчто, не имѣщее даже жизни по себѣ, жизни, такъ сказать, личной, да развѣ оно можетъ быть признано за выраженіе, способное обнять и опредѣлить существо Бога, Спасителя нашего, Того, Кто есть безусловная жизнь и истина? Церковь радуется не тому, что будто-бы удалось ей, наконецъ, выразить мысль свою, а тому, что она указала своимъ чадамъ такую мысль, которой никакой языкъ человѣческій выразить не можетъ. Всѣ слова наши, если можно такъ выразиться, суть не свѣтъ Христовъ, а только тѣнь его на землѣ. Блаженны тѣ, которымъ дано, созерцая эту тѣнь на поляхъ Іудеи, угадывать небесный свѣтъ Ѳавора. Этотъ свѣтъ постоянно свѣтитъ для Церкви, но открывается не иначе, какъ сквозь тѣнь вещества, ибо языкъ нашъ вполнѣ вещественъ по своему началу. Возможно, что если бы апостолъ обращался къ инымъ слушателямъ, если бы онъ встрѣтилъ въ нихъ другую умственную подготовку, то, можетъ быть, онъ употребилъ бы и иныя выраженія. При встрѣчѣ, напримѣръ, съ философскими системами подобными новѣйшимъ, германскимъ, вмѣсто: „Слова“ онъ употребилъ бы, можетъ быть, для выраженія той же мысли, другой терминъ, напримѣръ: *объектъ*, и эта форма, хотя и менѣе совершенная, была бы также вполнѣ законна. Конечно, въ терминѣ „Слово“ гораздо живѣе выступаетъ понятіе рожденія, т. е отношеніе мысли къ ея проявленію, но и терминомъ „объектъ“ можно было бы передать понятіе о мысли проявленной и самосознанной; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ была бы доступна предложенная Церковью цѣль— уяснить Божественный міръ наведеніемъ, заимствованнымъ изъ видимаго міра, или изъ дѣйствій человѣческаго разума.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Такимъ образомъ въ фактѣ введенія св. Іоанномъ новаго термина мы имѣемъ самый высокій примѣръ умственнаго труда, никогда, по милости Божіей, не прекращающагося въ Церкви, и этотъ примѣръ подаетъ намъ тотъ, кого можно бы назвать по преимуществу апостоломъ Церкви, апостоломъ ad intra, подобно тому, какъ два другіе великіе свѣтильника христіанскаго міра (Петръ и Павелъ) названы были, одинъ апостоломъ Іудеевъ, а другой апостоломъ язычниковъ, т. е апостолами ad extra.

Что сказано объ условіяхъ появленія термина „Слово“, то слѣдуетъ сказать и о другихъ терминахъ, выражающихъ другія понятія. Такъ, когда апостолъ Ѳома, убѣдившись въ воскресеніи Господа, вдохновенный Духомъ истины, воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. 20, 28), все таинство воплощенія ясно открылось съ той минуты; и однако, нѣсколько вѣковъ протекло, прежде чѣмъ Церковь, устраняя ошибочныя формулы, предложенныя Несторіанствомъ и Евтихіанствомъ, заключила свою вѣру въ эту истину въ строгую и сжатую формулу. Путемъ такого постояннаго движенія являлись и входили въ общее употребленіе выраженія: „вѣчное рожденіе“, „вѣчное исхожденіе“, „Троица“, „Лица“ и проч.; но все это движеніе не выходитъ изъ круга терминологіи и никакъ не можетъ быть принимаемо за развитіе ученія; напротивъ, ученіе остается неизмѣннымъ навсегда. Вообще, истина пребываетъ въ Церкви неизмѣнною во всѣ вѣка; познаніе ея Церковью не измѣняется, но выраженіе ея по самому существу всегда недостаточное, не можетъ не видоизмѣняться сообразно съ развитіемъ аналитическаго слововыраженія и съ характеромъ умственныхъ пріемовъ каждой эпохи.

Само собою понятно, что Церковь, какъ явленіе собирательное, не можетъ предаваться анализу и вообще изслѣдованію хранимыхъ ею истинъ. Трудъ раскрытія богооткровенныхъ истинъ она предоставляетъ своимъ членамъ, ни-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

мало не стѣсняя ихъ въ этомъ отношеніи. Но члены Церкви, пользуясь этимъ высокимъ даромъ, не должны забывать, что истинность знанія, какъ и святость жизни, въ абсолютномъ смыслѣ, принадлежитъ только Церкви и что отдѣльная личность, взятая сама по себѣ, также не гарантирована отъ заблужденія въ дѣлѣ познанія, какъ и не гарантирована отъ грѣха въ самой жизни. Ни епископскій чинъ, ни званіе Отца и учителя Церкви, ни даже чрезвычайный даръ апостоловъ, ничто не можетъ служить ручательствомъ безусловной свободы личности отъ заблужденія. Если такой столпъ Церкви, какъ св. апостолъ Петръ, могъ (въ частномъ единичномъ случаѣ) *не прямо поступать по истинѣ Евангельской*, такъ что другой великій свѣтильникъ вѣры, св. апостолъ Павелъ, вынужденъ былъ *лично противустать ему, потому что онъ подвергался нареканію* (Галат. гл. 2, ст. 11, 14), то что же сказать о всѣхъ другихъ членахъ Церкви? Допустивъ св. апостола Іудеевъ подвергнуться указанному порицанію отъ апостола языковъ, Духъ Божій этимъ далъ намъ уразумѣть ту высокую истину, что умъ самый возвышенный, душа самая озаренная небесныхъ свѣтомъ, должны преклоняться предъ каѳоличествомъ Церкви, которая есть глаголъ самаго Бога. Съ какимъ смиреніемъ св. апостолы относились къ своему личному мнѣнію въ дѣлахъ вѣры, видно изъ того, что когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, обязательно ли обрѣзаніе для христіанъ изъ язычниковъ, то ни одинъ изъ апостоловъ не рѣшился взять на себя лично рѣшеніе этого вопроса. Напротивъ, на состоявшемся въ Іерусалимѣ соборѣ апостолы Петръ, Варнава, Павелъ и Іаковъ лишь высказали по этому вопросу свое личное мнѣніе, рѣшилъ же этотъ вопросъ соборъ, т. е. „апостолы и пресвитеры со всею Церковью“ (Дѣян. гл. 15). Изъ сказаннаго ясно, что исходнымъ началомъ изслѣдованія истинъ вѣры должно служить смиренное признаніе своей немощи. Иначе и быть не можетъ. Изслѣдованіе въ области

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

вѣры, какъ по многоразличію подлежащихъ ему данныхъ, такъ и потому, что цѣль его заключается въ истинѣ живой, а не только логической, требуетъ употребленія въ дѣло всѣхъ умственныхъ силъ, воли и разума, и, сверхъ того, требуетъ еще внутренняго изслѣдованія самихъ этихъ силъ. Другими словами: при изслѣдованіи истинъ вѣры нужно принимать въ соображеніе не только зримый міръ, какъ объектъ, но истину и чистоту органа зрѣнія. Ибо даже слабая тѣнь грѣха содержитъ уже въ себѣ возможность заблужденія, а возможность переходитъ въ неизбѣжность, когда человѣкъ въ своей самоувѣренности безусловно довѣряется собственнымъ своимъ силамъ или дарамъ благодати, лично ему ниспосланнымъ, а поэтому тотъ лишь могъ бы предъявить притязаніе на личную независимость въ изслѣдованіи предметовъ вѣры, кто признавалъ бы въ себѣ не только совершенство познавательной способности, но и совершенство нравственное. Но на это даже одной сатанинской гордости было бы недостаточно, а нужно было бы предположить при ней еще небывалое безуміе.

Итакъ, признавая свое ничтожество въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ вѣры, отдѣльныя лица свободно вносятъ въ общій трудъ дань своихъ болѣе или менѣе удачныхъ усилій, предоставляя окончательное сужденіе о своихъ мнѣніяхъ голосу Церкви. Церковь, принимая или отвергая эту дань, не осуждаетъ отдѣльныхъ лицъ, хотя бы они и заблуждались, если только трудъ ихъ дѣйствительно добросовѣстный и если они приносятъ добытое ими смиренно, безъ диктаторскихъ пріемовъ и не насилуя совѣсти братьевъ. Церковь не осуждаетъ заблуждающихся въ данномъ случаѣ потому, что намѣренія ихъ нравственно чисты, а заблужденія ихъ, высказанныя какъ мнѣнія, сопровождаемыя искреннею готовностью подчиниться приговору Церкви,—безвредны. Только такое заблужденіе, которое сопровождается гордою самоувѣренностью и упрямою готовностью отстаивать его во что бы то ни стало,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Церковь признаетъ вреднымъ и опаснымъ для истины; такое заблужденіе всегда свидѣтельствуетъ о грѣховномъ направленіи воли заблуждающагося и противно духу христіанской кротости и смиренія.

Но если личное мнѣніе вѣрующаго должно быть провѣряемо и контролируемо всею Церковью, то откуда же именно христіанинъ можетъ узнать мнѣніе всей Церкви? Вѣдь Церковь, какъ личность коллективная, можетъ быть разсѣяна по всему земному шару и собраніе безусловно всѣхъ ея членовъ для засвидѣтельствованія истины физически невозможно. Выраженіемъ голоса Церкви является соборъ. Соборъ есть соединеніе представителей Церкви, уполномоченныхъ, по изволенію Духа Божія, засвидѣтельствовать ея истину. Если соборъ выражаетъ мнѣніе отдѣльной частной церковной общины, онъ называется частнымъ или *помѣстнымъ*, если онъ выражаетъ мнѣніе всей Церкви, онъ называется *вселенскимъ*. Постановленія частнаго собора, обязательныя для частной общины, могутъ получить вселенское значеніе, если истинность ихъ будетъ засвидѣтельствована соборомъ вселенскимъ. Изъ даннаго опредѣленія вселенскаго собора само собою вытекаетъ понятіе о критеріи его достовѣрности. Если только тотъ соборъ признается вселенскимъ, который дѣйствительно выражаетъ мнѣніе всей Церкви, то и право рѣшенія вопроса объ истинности или неистинности собора принадлежитъ только Церкви и никому другому въ мірѣ. Внѣшнихъ какихъ-нибудь признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы рѣшить этотъ вопросъ, нѣтъ и быть не можетъ: ни количество представителей Церкви, ни ихъ высокое положеніе въ Церковной іерархіи, ни власть и согласіе императоровъ, ничто взятое само по себѣ не можетъ служить достаточной гарантіей истинности собора. Что количественная сторона въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія, это видно изъ того, что на нѣкоторыхъ еретическихъ соборахъ присутствовало гораздо

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

больше епископовъ, чѣмъ на соборахъ вселенскихъ. Такъ, напримѣръ, на Константинопольскомъ иконоборческомъ соборѣ 754 года присутствовало 338 епископовъ, тогда какъ на нѣкоторыхъ вселенскихъ соборахъ число епископовъ не доходило и до 200. Такъ на *второмъ* вселенскомъ соборѣ присутствовало только 150 епископовъ, на *пятомъ*—165, на *шестомъ*—170. Не имѣетъ рѣшающаго значенія и сравнительное достоинство каѳедръ, занимаемыхъ епископами. На извѣстномъ ефесскомъ соборѣ 449 года присутствовали лично епископы: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, а представителями римскаго епископа были его послы; и тѣмъ не менѣе этотъ соборъ не только не признанъ былъ вселенскимъ, но и получилъ печальную извѣстность подъ именемъ собора разбойничьяго. Вообще исторія знаетъ много случаевъ, когда на сторону еретическихъ убѣжденій становились представители самыхъ видныхъ епископскихъ каѳедръ. Такъ римскій папа Ливерій подписалъ составленный на Сирмійскомъ соборѣ 357 года полу-аріанскій символъ вѣры; а папа Гонорій, на ряду съ константинопольскими патріархами Сергіемъ, Пирромъ, Павломъ и александрійскимъ Киромъ, преданы были шестымъ вселенскимъ *соборомъ* анаѳемѣ за монооелитскую ересь. Не имѣютъ рѣшающаго значенія и такія формальныя стороны дѣла, какъ объявленіе собора вселенскимъ и утвержденіе его постановленій верховною свѣтскою властью. Тѣ же еретическіе соборы—Константинопольскій 754 г. и ефесскій 449 года и созваны были подъ именемъ вселенскихъ и признаны были потомъ императорами за таковые.

Почему же эти и подобные имъ соборы, не представляющіе никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ, не только не признаны были вселенскими, но, напротивъ, были осуждены и отвергнуты? Потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви *всѣмъ цер-*

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ковнымъ народомъ, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ, гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія. Таковъ догматъ, лежащій въ глубинѣ идеи собора. Истина эта со всею ясностью засвидѣтельствована въ Окружномъ посланіи восточныхъ патріарховъ 1848 года, гдѣ святители Востока говорятъ, между прочимъ, слѣдующее: „У насъ ни патріархи, ни соборы, никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть само *тѣло Церкви*, т. е. *самый народъ*, который всегда желаетъ сохранить *вѣру* свою неизмѣнно“ (17). Выраженная здѣсь истина составляетъ какъ бы обобщеніе того, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ исторія.

Итакъ, повторяемъ: высокое значеніе въ Церкви соборныхъ опредѣленій покоится не на тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ они сдѣланы были, а на томъ единственно, что опредѣленія эти были выраженіемъ истины, исповѣдуемой всею Церковью. Вотъ почему самая формула: „изволися Святому Духу“ и т. д., которою обыкновенно сопровождались соборныя опредѣленія, служила выраженіемъ не горделиваго притязанія за безусловную истинность, а лишь смиренной надежды на то, что постановленіе собора будетъ принято Церковью; надежда эта впослѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего Церковнаго народа, или „всего тѣла Христова“, какъ выразились восточные патріархи. Извѣстно, что опредѣленіямъ соборовъ предшествовалъ живой обмѣнъ мнѣній, безпрестанно и

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

повсемѣстно высказывавшихся въ посланіяхъ, въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Самые соборы, слѣдовательно, не создавали, а лишь высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ Церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особыхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. Итакъ, самое право представительства такъ же, какъ и право приговора, не имѣло никакой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими постановленіями формальными. Соборъ былъ не власть, а голосъ, и въ этомъ то отсутствіи власти формальной исторія должна признать *неприкосновенность его власти разумной*. Борьба страстей, вмѣшательство и насиліе свѣтской власти, доставлявшей нерѣдко временное, и то чисто внѣшнее, торжество еретическимъ заблужденіямъ, не уничтожали духовной свободы Церкви, которая, переждавъ неблагопріятное время, свободнымъ голосомъ свидѣтельствовала непреложно содержимую ею истину. Отсюда вытекаетъ высокое значеніе *историческаго критерія* при рѣшеніи вопроса объ истинности или неистинности даннаго соборнаго опредѣленія: истинно не то, что признается таковымъ только въ данное время, данною общиною, а то, что всегда, отъ временъ апостольскихъ, всею Церковью, т. е всѣми и вездѣ, признавалось за истину. Мысль эта всегда сознавалась отцами соборовъ, и поэтому, прежде чѣмъ составлять новое опредѣленіе, они обыкновенно знакомились съ опредѣленіями прежнихъ соборовъ и даже съ мнѣніями отдѣльныхъ авторитетныхъ лицъ, заботясь о томъ, чтобы вновь составляемое опредѣленіе не оказалось въ противорѣчіи съ ученіемъ, уже засвидѣтельствованнымъ Церковью. Такъ, отцы IV (халкидонскаго) вселенскаго собора, прежде чѣмъ вы-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

сказать свое мнѣніе по вопросу о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, попросили прочитать относящіяся сюда опредѣленія перваго и второго вселенскихъ соборовъ, а равно и сочиненія Кирилла александрійскаго и папы Льва Великаго, при чемъ чтеніе Τόμος-α Льва нерѣдко сопровождалось возгласами: „Петръ (апостолъ) говоритъ устами Льва“, или: „Кириллъ такъ училъ“. Когда же былъ прочитанъ проектъ новаго вѣроопредѣленія, отцы собора воскликнули: „Сія вѣра отеческая, сія вѣра апостольская, всѣ такъ мудрствуемъ“ и этимъ показали, что они исповѣдуютъ ту самую вѣру, которая преподана была Самимъ Іисусомъ Христомъ апостоламъ и съ тѣхъ поръ непреложно хранится Церковью.

В. Завитневичъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua